

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ В 1925 г. ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА «ПОДТАЛКИВАНИЯ» ГЕРМАНИИ НА ВОСТОК

Рассматривается историко-правовой аспект процесса трансформации Версальской системы в Версальско-Локарнскую. Талассократический капитал, используя в качестве рычага «план Дауэса», навязал европейским странам так называемый гарантийный пакт. Коллективная гарантия стран во главе с Англией охватывала только западные границы Германии, делая их неприкосновенными. Восточные же подлежали урегулированию посредством арбитражных договоров на основе ст. 19 Устава Лиги Наций, открывая путь на Восток.

Ключевые слова: Локарнская конференция 1925 г.; Рейнский пакт; правовой механизм; подталкивание Германии на Восток.

В международных отношениях право имеет очень большое значение, поскольку одной из его функций является создание определенных правил, которые собственно и создают для них некий остов, в рамках которого они и проистекают. Например, после окончания Первой мировой войны основы такового были заданы при помощи правовых итогов Парижской мирной конференции – Версальского, Сен-Жерменского, Трианонского и других, подписанных позднее договоров. В результате система международных отношений получила название Версальской. Не менее важная роль была отведена и впервые созданному международному политическому органу – Лиге Наций, действовавшему на основе своего Устава, ст. 19 которого, впервые в истории, предусматривала изменение границ государств мирным путем.

Среди побежденных стран все обстояло не так просто, ибо один из участников Тройственного союза – Австро-Венгерская монархия – канула в небытие, и в послевоенном международном правовом поле фигурировали Австрия и Венгрия. Поскольку Болгария и Турция были игроками по большей части второго плана, то основная тяжесть поражения, прежде всего репарационные платежи, легла на плечи Германии, которая к тому же, среди прочего, потеряла все свои колонии и осталась без нефтяных месторождений.

Лидерами в стане победителей, как эмоционально, так и формально, безусловно, являлись Франция и Англия, поскольку третий участник Антанты – Россия – оказался вытолкнут из правового поля международных отношений целым рядом обстоятельств, среди которых отнюдь не последнюю роль сыграли Февральская и Октябрьская революции 1917 г. в Петрограде. В Версальской международно-правовой системе был предусмотрен особый «санитарный» кордон, состоявший из Прибалтийских государств, Польши, Румынии и Чехословакии, который отделял её участников от Советской России, а с декабря 1922 г. – Советского Союза. Для последнего положение её изгоя было изначально уязвимым и ущербным, так как теоретически позволяло организовать против него агрессию, а затем сделать его же в случае необходимости «козлом отпущения». Для подобного предположения имелись веские основания.

Первые сведения о прожектах подобного рода относятся к завершающему этапу Первой мировой, ко-

гда в Париже в обстановке глубокой тайны было подписано «Англо-французское соглашение от 23 декабря 1917 г.», определяющее французские и английские зоны действия в России. Соответственно, Англия выговорила себе «зону влияния», дающую ей кавказскую нефть и контроль над Прибалтикой, а Франция – «зону», обеспечивающую ей железо и уголь Донбасса и контроль над Крымом. «Этот тайный англо-французский договор лег в основу политики, которую Франция и Англия проводили в отношении России в течение нескольких последующих лет» [1. С. 22].

Действительно, это соглашение начало было реализовываться, английские и французские оккупационные войска, среди прочих, высадились на российскую землю, однако в результате действий Красной армии интервенты были вынуждены убраться восвояси. Вскоре после этого, в первые послевоенные годы в недрах Форин-офис был составлен секретный меморандум, в первой части которого констатировалось, что Европа на тот момент состояла из трех сегментов: победителей, побежденных и России. В связи с тем что последняя как влиятельный фактор вышла из состава европейских держав, создалось «некое чувство неустойчивости, подтачивавшее благосостояние западноевропейских стран». Эта диспропорция, т.е. сложившаяся изолированность России, с точки зрения авторов меморандума, несла наибольшую угрозу британской устойчивости. По их мнению, в Европе лицом была неразбериха – бывшие враги не могли примириться с потерями, бывшие союзники боялись потерять свои приобретения, в связи с чем малые нации могли подвергнуться притеснениям. Далее следовал пассаж риторического характера: «Хотя в настоящий момент Германия абсолютно неспособна на агрессивные действия, однако нет сомнений, что при наличии большого военного и химического потенциала она рано или поздно станет снова мощным военным фактором. Очень немногие немцы серьезно помышляют о том, чтобы направить эту мощь, когда она будет обретаема, против Британской империи» [1. С. 123].

Другими словами, в меморандуме содержалась завуалированная программа действий на ближайшее будущее на европейской международной арене для британской дипломатии: победителям и побежденным следовало сговориться против России, пожертво-

вав интересами малых стран. За Лондоном по определению были зарезервированы режиссерские функции.

Первая проба сил имела место на Генуэзской конференции, однако молодой советской дипломатии удалось переиграть представителей держав-победительниц и заключить 16 апреля 1922 г. в Раппало договор с Германией, выведший обе страны из дипломатической изоляции. Через год, когда Франции, дабы ускорить выплату репарационных платежей, пришлось оккупировать Рур, после чего она сама оказалась перед лицом дипломатической изоляции, на помощь Берлину пришел Лондон, где начал свою работу так называемый комитет экспертов. Вот как оценивается его роль в отечественной историографии – «“комитет экспертов”, заседавший в Лондоне, диктовал свою волю» [2. С. 82]. А вот мнение современника – известного французского политика: «В Лондоне приподнялся занавес, обычно скрывающий сцену от взоров народа. И мы увидели на ней *Deus ex machina* современной политики, подлинного хозяина демократий, считаемых суверенными: финансиста, денежного туза»¹ [3. С. 210].

Результатом деятельности комитета стал план чикагского банкира и генерала американской армии в годы Первой мировой войны Чарльза Дауэса, предусматривавший ревизию Версальского договора в пользу Берлина, который Париж 15 июля 1924 г. был вынужден принять. В соответствии с «планом Дауэса» в Германию широким потоком предстояло хлынуть иностранному, прежде всего американскому капиталу. В течение 1924–1929 гг. иностранные капиталовложения в германскую экономику, прежде всего в индустрию, впоследствии составят свыше 21 млрд марок долгосрочных и краткосрочных инвестиций. Дело будет обставлено таким образом, что даже французские инвестиции в Германии приблизительно за тот же период превысили 1,65 млрд марок [4. С. 214–220].

Однако деньгам в Германию предстояло хлынуть позднее, а на тот момент с подачи британского посла в Берлине Э.В. д’Абернона, близкого приятеля главы германского МИД Г. Штреземана, начала разыгрываться тонкая политическая многоходовая комбинация по заключению нового международного договора, модернизирующего Версальский, так называемого гарантийного пакта. Ближе к концу первой декады декабря 1924 г. в Лондон прибыл тайный советник фон Бюлов с несколькими проектами пакта, которые при посредничестве сотрудника тамошнего германского посольства князя Бисмарка были доведены до сведения некоторых членов английского кабинета. Особенную заинтересованность германская инициатива вызвала у нового канцлера казначейства Уинстона Черчилля, который, по оценке д’Абернона, «воспринимал эти дела с юношеской быстротой» [5. С. 26–27].

В третьей декаде января 1925 г. германский меморандум, вполне обоснованно получивший название «Штреземана – д’Абернона», был официально вручен в Берлине последнему, после чего переправлен в Лондон. По существу английскому послу был вручен документ, одним из инициаторов которого, если не сказать больше, являлся он сам [Там же. С. 28]. В данном

документе предлагалось заключить пакт, предусматривавший гарантию территориального статус-кво на Рейне, т.е. западных границ Германии. Однако в нем вовсе не случайно ни слова не было сказано о гарантии её восточных границ, т.е. с Польшей и Чехословакией. 9 февраля такое же предложение получила Франция [5. С. 32; 6. С. 27, 32–37; 7. С. 103].

Меморандум в европейских столицах получил самые противоречивые оценки, в том числе и в самом Туманном Альбионе. Все тот же д’Абернон записал 26 марта: «В Лондоне господствует мысль, что германское предложение о гарантиях на Западе сделано с единственной целью: создать условия, благоприятные для войны на Востоке» [5. С. 37]. Жаркие дискуссии велись во всех мыслимых общественных, дипломатических, политических и государственных сферах в течение весны – середины лета 1925 г.

Для того чтобы западноевропейские континентальные политики заняли благоприятную позицию касательно меморандума «Штреземана – д’Абернона», в дело вступил *Deus ex machine*, т.е. талассократический² финансовый капитал. В июле в германскую столицу прибыли директор Английского банка М. Норман и директор Федерального резервного банка США Б. Стронг, которые заявили директору Германского имперского банка Я. Шахту, что кредиты (по «плану Дауэса») Берлин получит лишь тогда, когда подпишет гарантийный пакт [8. С. 324]. На всякий случай данное заявление было продублировано и для Вильгельм-штрассе³, ибо примерно в это же время Штреземан сделал запись о беседах во время завтрака у д’Абернона, на котором присутствовали Норман и Стронг. Последний дал понять германскому министру, что Германия получит от США долгосрочные кредиты для восстановления экономики, когда будет заключен гарантийный пакт [5. С. 42].

Данных о посещении англо-американским финансовым дуэтом французской столицы пока не обнаружено – на Париж нажим произвела американская дипломатия. Посол США в Лондоне Хоутон на обеде в «Клубе пилигримов» почти напрямую пригрозил закрытием американских кредитов для тех правительств, которые откажутся подписать гарантийный пакт, предложенный Берлином и одобренный Лондоном. «Поскольку гарантийные пакты являются путём к восстановлению Европы, их необходимо так или иначе заключить», – заявил Хоутон. Одновременно правительство США потребовало от стран-должников, прежде всего от Франции, быстрее урегулировать их долговых обязательств в отношении Америки [8. С. 324].

Когда ультиматумы ставят столь крупные фигуры из сферы финансов, то это будет посильнее «Фауста» Гете или где-то совсем рядом, когда становится устоять трудно, а если честно, просто невозможно. Другими словами, закулисный режиссер задействовал настолько убедительных суфлеров, что проблеме заключения гарантийного пакта из сферы, так сказать, оральной предстояло переместиться в сферу техническую и стать вопросом времени. Суть момента была тонко подмечена и отражена 4 августа на страницах

«Известий» Г.В. Чичериным, процитировавшим слова некоего авторитетного лица, опубликованные «Дейли телеграф». «В мирных договорах имеются пробелы, которые были там оставлены сознательно с целью дать возможность в конце концов приспособить договоры к более нормальным условиям. Мы не можем разрешить Германии пытаться расширить эти пробелы или использовать их слишком рано, и мы не можем разрешить Франции совершенно закрыть эти пробелы». Глава советского НКВД вполне уместно прокомментировал, что выразители английских правительственных кругов видят себя в качестве верховных судей, стоящих над Францией и Германией. Более того, лондонский кабинет уже начинает занимать положение арбитра Европы, от которого зависит, предоставить тот или иной бонус, с одной стороны, Парижу, с другой стороны, Берлину. Вердикт наркома гласил: «Версальский договор открыто представляется как нечто незаконченное, и изменение Версальского договора выдвигается как одна из задач международной дипломатической работы, причем английское правительство берется само определить момент, когда к этой работе будет приступлено» [9; 10. С. 433].

Парижским политикам все же непременно нужно было показать, что у них «в душе тоже свой жанр имеется», и на лондонских переговорах 11–12 августа А. Бриан попытался добиться согласия О. Чемберлена предоставить гарантии восточных границ Германии. Ведь Франции необходимо было сохранить влияние среди участников своей системы военных союзов – в Польше, Чехословакии и Румынии. Не тут-то было – по вопросу о гарантиях восточных границ Германии правительство Великобритании было неумолимо и не пошло ни на какие компромиссы. Лондон, настаивая на своей точке зрения относительно гарантий, в свою очередь согласился оказать Парижу содействие в подавлении национально-освободительного движения в Сирии, Ливане и Марокко [5. С. 44–46].

Многие пытались указать на неблагоприятный характер роли, подготавливаемой для Германии. В конце июня глава НКВД, сохраняя инкогнито, со страниц «Известий» отметил три момента. Во-первых, английская политика всегда стремилась к тому, чтобы иметь на материке преданного ей исполнителя. Во-вторых, история свидетельствует, что сия роль весьма обременительна при очень небольшой выгоде. В-третьих, этих исполнителей она всегда меняла с большой легкостью и выбрасывала, как выжатый лимон. Из чего следовал неутешительный вывод: сближение Германии с Англией значило бы для первой, что единственной точкой опоры она будет иметь последнюю, всегда готовую принести ее в жертву своим интересам [10. С. 393–395; 11].

Следует отметить, что и в Берлине у части политиков имелось довольно четкое представление о том, что немецкий народ может быть втянут в очень опасную и неблагоприятную игру. Накануне Локарнской конференции, 25 сентября 1925 г., германское правительство под председательством канцлера Г. Лютера провело совещание премьеров германских земель. На нем Штресман изложил отношение к гарантийному

пакту. Он отметил неприемлемость для Германии ст. 16 Устава Лиги Наций⁴, теоретически позволявшую задействовать её в карательных санкциях против предполагаемого агрессора, на роль которого на тот момент более всего подходил СССР, и признал, что советское правительство с озабоченностью смотрит на вступление Германии в этот орган. Штресман заверил, что Германия не намерена стать «континентальной шпагой» Англии⁵.

Локарнская конференция прошла в период с 5 по 16 октября 1925 г., в результате чего был парафирован⁶ ряд международно-правовых актов двух, с точки зрения юридической обязательности, уровней – договора и соглашения. Первый, т.е. подлежавший безоговорочному исполнению, был придан так называемому Рейнскому пакту, т.е. гарантийному договору между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией. Арбитражные договоры были также предусмотрены для регулирования границ Германии с Польшей и Германией с Чехословакией. Арбитражные соглашения были предусмотрены между Германией и Бельгией, Германией и Францией. Соглашения были также зафиксированы между Францией и Польшей, а также Францией и Чехословакией.

Если попробовать применить к информации международно-правового характера метод географического сравнения, то можно будет сделать ряд любопытных наблюдений. Для Рейнского пакта, фактически обеспечивавшего незыблемость западных границ Германии, был предусмотрен уровень договора, гарантом которого выступала, прежде всего, Англия. Арбитражные соглашения Германии с Бельгией и Германии с Францией теоретически допускали изменение границ, но любая из сторон при желании могла проигнорировать подобную возможность. А вот арбитражные договоры между Германией и Польшей, а также Германией и Чехословакией, регулировавшие восточные границы Германии, были сопровождаемы рядом тонкостей. Поскольку на германские восточные границы не распространялись английские гарантии, то Германия получала реальную возможность путем изменения границ начать движение на Восток. А статус «арбитражный договор» обязывал Польшу и Чехословакию согласиться на мирную ревизию своих границ с Германией, в соответствии со ст. 19 Устава Лиги Наций, при посредничестве уже обозначенного наркомом Чичериным арбитра, т.е. Великобритании.

Соглашения между Францией и Польшей, а также Францией и Чехословакией были призваны с целью замаскировать дипломатическое поражение, которое Париж потерпел в Локарно. Ведь система французских оборонительных союзов с «малыми странами», прежде всего Польшей и Чехословакией, оказалась фактически парализованной. Согласно локарнским соглашениям Франция уже не могла автоматически оказывать помощь Польше на основе польско-французской военной конвенции 1921 г. Хотя Франция выступила в качестве гаранта польско-германского арбитражного договора, она могла оказывать помощь Польше только на основе Устава Лиги Наций [6. С. 497–498, 510]. Нарком Г.В. Чичерин пи-

сал 15 октября из Берлина: «По имеющимся сведениям, Франция уступила по всей линии, немецко-польская граница не гарантируется, Франция без Совета Лиги наций не может постановить помочь Польше. В Польше настроение крайне подавленное; это есть предательство ее Францией» [13. С. 629].

Советское политическое руководство на XIV съезде партии в декабре 1925 г. международное положение оценило весьма четко: «Относительная стабилизация и так называемое “замирение” Европы под гегемонией англо-американского капитала привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые “гарантийные договоры”, острием своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифистской Лигой Наций, означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны» [14. С. 245].

Советская дипломатия также сделала соответствующие выводы и предприняла соответствующие шаги. 12 октября 1925 г. был подписан советско-германский торговый договор, СССР были предоставлены Германией кредиты, а 24 апреля 1926 г. подписан договор с Германией о ненападении и нейтралитете. Это имело исключительно важное значение с точки зрения ослабления антисоветской направленности локарнских соглашений [12. С. 198, 200].

Однако каждый участник развивавшегося сценария продолжал видеть будущие события с учетом

своих интересов. Например, во время Локарнской конференции в отелях было, как сообщалось, больше нефтяников, чем политиков [15. С. 164]. А вот в Берлине посол Англии лорд д'Абернон отметил в своем дневнике: «День 16 октября знаменует собой поворот в истории послевоенной Европы. Это – уничтожение демаркационной линии между победителями и побежденными. Для Англии это означает восстановление политики равновесия» [16. С. 66].

Таким образом, в результате заключения Локарнских соглашений Версальская система за счет включения в нее гарантийного пакта и арбитражных договоров подверглась значительной модернизации и стала Версальско-Локарнской системой. Данная система была составлена таким образом, что представляла собой международно-правовой механизм, позволявший Германии начать движение на Восток путем мирного изменения своих границ, на основании статьи 19 Устава Лиги Наций, за счет территории «малых стран» – Польши и Чехословакии. Правовой уровень «арбитражного договора» обязывал их подчиниться решению международного арбитра (Великобритании), дабы уступить часть своей приграничной территории Германии. В рамках Версальско-Локарнской системы в 1933 г. будет создан «пакт четырех». Хотя его ратифицирует лишь одна Англия, этот механизм будет реализован на Мюнхенской конференции 1938 г., когда Чехословакию заставят передать Гитлеру Судетскую область.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эррио вложил эту оценку в уста депутата Лекура Гранмезона, выступавшего 22 апреля 1924 г.

² Талассократия (*власть океана*. – греч.) геополитический термин, применяемый к так называемым державам моря – прежде всего США и Великобритании.

³ Место нахождения германского МИД.

⁴ Англия и Франция предварительным условием переговоров о гарантийном пакте поставили вступление Германии в Лигу Наций.

⁵ В германских правительственных кругах и после Локарнской конференции еще не было ясности, как можно ограничить обязательность для Германии статьи о санкциях. Г.В. Чичерин настойчиво просил разъяснений по этому вопросу, особенно подчеркивая, что Германия окажется в распоряжении Лиги Наций. На это Лютер возразил: «Если Германия откажется выполнить свои обязанности члена Лиги Наций и пропустить войска, направленные для экзекуции, то с Германией ничего нельзя сделать, кроме ее исключения из Лиги Наций». Так записал Чичерин высказывание Лютера [12. С. 167, 181].

⁶ Подписание Локарнских документов было произведено позднее в Лондоне 1 декабря 1925 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сейерс М., Кан А. Тайная война против Советской России. М., 1947.
2. Малафеев К.А. Луи Барту – политик и дипломат. М., 1987.
3. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958.
4. Файнгар И.М. Очерки развития германского монополистического капитала. М., 1958.
5. Никонова С.В. Германия и Англия от Локарно до Лозанны. М., 1966.
6. Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959.
7. Турок В.М. Локарно. М.; Л., 1949.
8. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. М.; Л., 1945.
9. Известия. 1925. 4 авг.
10. Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
11. Известия. 1925. 30 июня.
12. Ахтамзян А.А. Раппальская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922–1932 годах. М., 1974.
13. Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. VIII.
14. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 3.
15. Сесюли Р. ИГ Фарбениндустр. М., 1948.
16. Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2016 г.

ON THE CREATION OF A LEGAL MECHANISM FOR “PUSHING” GERMANY TO THE EAST IN 1925
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 412, 84–88.
DOI: 10.17223/15617793/412/14

Stanislav V. Morozov, Novokuznetsk Branch Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: stan.morozov@nbikemsu.ru; roland60@mail.ru

Keywords: Locarno Conference of 1925; Rhine Pact; legal mechanism; pushing Germany to the East.

The aim of this paper is to study the process of forming and revealing the essence of the legal mechanism for “pushing” Germany on to the East, which was established in 1925 as a result of the decisions of the Locarno Conference. The source is the historiography of the Soviet period, in which the terms “legal mechanism” and “Versailles-Locarno system” have not been previously used. The final documents of the Paris Peace Conference formed the so-called Versailles international legal system, which by definition was spearheaded against the Soviet Russia. Among other things, that system obliged Germany to pay large monetary reparations for winner countries and defined new borders of the states, but Article 19 of the Charter of the League of Nations provided for the change of state borders peacefully. At the same time it was assumed that with time the Versailles system would be supplemented by a system of guarantees. Initially, the possible scenario was dictated by the desire of Britain and France to divide Soviet Russia into spheres of their influence; however, after the collapse of these intentions, the initiative was captured by British diplomacy. Its secret memorandum contained a veiled program of action for the near future in the European international scene. Winners and losers were to conspire against Moscow, sacrificing the interests of small countries – Poland and Czechoslovakia. Britain was to direct the process. A favorable moment for the beginning of the program implementation came in 1923, when France was facing the threat of isolation in connection with the occupation of Ruhr after Germany delayed its payment of reparations. London came to help Berlin, the so-called “Committee of Experts” was established, which soon began to literally impose its will on European governments, including Paris. This became possible because the “Committee” was thalassocratic at its core and in its composition, i.e. it was represented by financiers from England and the United States, to whom France had debts after the First World War. This fact favored the implementation of the planned scenario – an international conspiracy against the Soviet Union. Its essence was to supplement the Versailles system with a system of warranties that would include a legal mechanism for pushing Germany to the East. Director of the Bank of England M. Norman and director of the Federal Reserve System of the US B. Strong played an important role. The legal registration of the conspiracy against the Soviet Union took place at the Locarno Conference in October 1925, when a number of international legal documents were initialed. A subject for unconditional execution was the so-called Rhine Pact, i.e. the guarantee agreement between Germany, Belgium, France, Great Britain and Italy. It made the western border of Germany immutable. Poland and Czechoslovakia were not included in the Rhine Pact; therefore, they did not fall under the collective guarantee of countries led by London. Instead, they signed arbitration contracts, which obliged Warsaw and Prague to regulate the border with Germany, thus opening its way to the East. Thus, the Versailles system was supplemented by a guarantee system, and became the Versailles-Locarno one, which also included a legal mechanism for pushing Germany to the East. The role of an arbitrator was reserved by the United Kingdom.

REFERENCES

1. Sayers, M. & Kahn, A. (1947) *Taynaya voyna protiv Sovetskoy Rossii* [The Secret War against Soviet Russia]. Translated from English by A. Gurovich, E. Kalashnikova. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoy literatury.
2. Malafeev, K.A. (1987) *Lui Bartu – politik i diplomat* [Louis Barthou as a politician and diplomat]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
3. Herriot, E. (1958) *Iz proshlogo. Mezhdvumya voynami. 1914–1936* [From the past. Between the two world wars. 1914–1936]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnosheniy.
4. Fayngar, I.M. (1958) *Ocherki razvitiya germanskogo monopolisticheskogo kapitala* [Essays on the development of the German monopoly capital]. Moscow: Izdatel'stvo sots.-ekon. lit.
5. Nikonova, S.V. (1966) *Germaniya i Angliya ot Lokarno do Lozanny* [Germany and England from Locarno to Lausanne]. Moscow: Nauka.
6. Dobrov, A.F. et al. (eds) (1959) *Lokarnskaya konferentsiya 1925 g. Dokumenty* [The Locarno Conference 1925 Documents]. Moscow: Gospolitizdat.
7. Turok, V.M. (1949) *Lokarno* [Locarno]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Moscow; Leningrad: OGIZ, Sotsekgiz.
9. *Izvestiya*. (1925) 4 August.
10. Chicherin, G.V. (1925) *Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoy politiki* [Articles and speeches on international issues]. Moscow: Sotsekgiz.
11. *Izvestiya*. (1925) 30 June.
12. Akhtamzyan, A.A. (1974) *Rappal'skaya politika. Sovetsko-germanskije diplomaticheskie otnosheniya v 1922–1932 godakh* [The Rapallo policy. The Soviet-German diplomatic relations in 1922–1932]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
13. Koblyakov, I.K. et al. (1963) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Vol. 8. Moscow: Politizdat.
14. Fedoseev, P.N. & Chernenko, K.U. (eds) (1970) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK* [The CPSU in resolutions and decisions of the Central Committee congresses, conferences and plenums]. 8th ed. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
15. Sasuly, R. (1948) *IG Farbenindustrie* [IG Farben]. Translated from English by N.K. Levit. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoy literatury.
16. Tabouis, J. (1960) *20 let diplomaticheskoy bor'by* [20 years of diplomatic struggle]. Translated from French. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury.

Received: 12 September 2016